

УДК 811.161.1

Т. М. Шкапенко

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АССОНАНСНЫХ ФРАЗЕОРЕФЛЕКСОВ**

Анализируется специфический разряд стереотипизированных речевых актов – ассонансных фразеорефлексов, основанных на рифме-созвучии с инициальной репликой, имеющей форму вопроса. Ассонансные фразеорефлексы не способны выполнять дескриптивно-номинативной функции в высказывании, выступая в процессе речевого взаимодействия исключительно как маркеры прагматической интенции. В связи с этим попытки их описания в терминах традиционной семантики оказываются несостоятельными. Адекватное изучение ассонансных фразеорефлексов возможно только в рамках теории речевых актов. С когнитивной точки зрения данные речевые единицы представляют собой пример языковой игры, характерной для речевой субкультуры.

This paper analyzes a specific group of phraseological reflexes based on an assonance rhyme with an initial interrogative utterance. Assonance phraseological reflexes cannot perform a descriptive or nominative function acting in the process of verbal interaction only as markers of pragmatic intentions. Therefore, the attempts to describe them in terms of traditional semantics prove unsuccessful. A proper study of assonance phraseological reflexes is possible only in the framework of speech act theory. From the cognitive perspective, these units of speech are an example of a language game typical of speech subcultures.

Ключевые слова: фразеорефлексы, ассонансные фразеорефлексы, речевые рефлексы, косвенные речевые акты, языковая игра.

Key words: phraseological reflexes, response phrases, indirect speech acts, assonances, language game.

В рамках теории речевых актов процесс коммуникации рассматривается как целенаправленная деятельность, осуществляемая согласно конвенциональным правилам. Практическое использование данных конвенций в значительной степени основано на знании собеседниками речевых стратегий и стереотипизированных речевых актов, применяемых в конкретных речевых ситуациях для достижения определенного коммуникативного намерения. По словам А. М. Пешковского, «все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка... Эти шаблоны преподносятся нашему сознанию всегда, о чем бы мы ни говорили и что бы мы ни слушали... Чем распространеннее данный шаблон в нашем языке, чем он привычнее, тем больше шансов, что именно он подвернется под руку» [6, с. 116].

Примечательно, что для носителей языка эти шаблонные речевые акты (далее РА) представляются настолько естественными, что они не

осознают их этноспецифичности. В то же время косвенный характер значительного числа разговорных реплик и невозможность выведения характера иллюкутивного намерения из их пропозиционального содержания зачастую ставит в тупик тех, кто изучает иностранный язык. Коммуникативные неудачи в данных случаях связаны с тем, что актуальное значение всех входящих в косвенный РА слов понятно (например, « – *И не говорите!*», « – *Ну ты даешь!*», « – *Еще чего!*» и т.п.), но определить общий смысл подобных речевых актов не представляется возможным.

Стереотипизированные коммуникативные единицы вышеуказанного вида уже неоднократно становились предметом исследования в работах российских лингвистов. Однако попытки их системного описания в терминах традиционной семантической грамматики не могли привести к удовлетворительному результату, так как объект исследования не вписывался в рамки привычной парадигмы. На этот факт обращала внимание И.А. Казачихина, указывая, что причины расхождений в трактовке данных единиц обусловлены «сложностью описания обсуждаемых единиц в терминах традиционной грамматики (грамматики письменной речи)» [5, с. 117]. Однако, отметив причину дефиниционных и классификационных неудач, автор не предложила альтернативной парадигмы исследования. Мы уже указывали ранее на то, что сама речевая сфера употребления данных единиц и выполнение ими прагматических функций при отсутствии функций номинативно-дескриптивных диктует необходимость их интерпретации исключительно с прагмалингвистической точки зрения, в русле теории речевых актов. Именно прагмалингвистический подход позволяет снять многочисленные спорные вопросы и предоставляет возможность для выведения общей дефиниции для всех типов единиц такого рода. С данной точки зрения все они представляют собой «иллюкутивно вынужденные косвенные РА, имеющие стереотипизированную форму выражения пропозиционального содержания (локуции)» [7, с. 224], а в качестве наиболее общего термина могут быть использованы предложенные В.Г. Гаком «речевые рефлексы», или «фразеорефлексы» (далее ФР) [3; 4].

Особый функциональный разряд ФР составляют ассонансные ФР – ответные речевые акты, основанные на рифме-созвучии с инициальной репликой, имеющей чаще всего форму вопроса. Несмотря на широкую представленность данного типа реплик в русской разговорной речи (например: [*-Откуда?*] – *От верблюда!*; [*А что потом?*] – *Суп с котом!* и т.п.), они исключительно редко становились предметом исследования лингвистов. На материале французской разговорной речи ассонансные ФР были изучены в работе ВД. Быкова и А.В. Алферова [7], которые рассматривали их как речевые корреляты языковых фразеологических единиц особого функционального типа и специфические операторы речевого взаимодействия. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, предлагая методику семантического описания фразеологии, попытались продемонстрировать ее практическое использование на примере ассонансных ФР русского языка, называя единицы данного типа «идиомами – речевыми формулами» [1].

В статье «Принципы семантического описания фразеологии» А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский предлагают экстраполировать ме-

тодику факторного анализа на изучение фразеологических единиц. В основе методики факторного анализа лежит выявление и классификация различных факторов с целью определения (моделирования) их влияния на некий совокупный результат. Обосновывая корректность применения такого метода в области языка и его фразеологической системы, авторы работы ссылаются на сложность объектов изучения, в котором различные аспекты также выступают как совокупность факторов. К таким факторам в процессе анализа ФЕ они относят актуальное значение, внутреннюю форму, синтаксис, а также варьирование и стиль. Под актуальным значением фразеологизма предлагается понимать «ту часть его семантики... которая необходима для правильного понимания этих контекстов... Так, актуальное значение идиомы “отдать концы” можно описать как “умереть”» [1, с. 22].

По предложенной методике авторы предлагают также осуществлять комплексное описание ассонансных ФР, или в их терминологии «идиом-речевых формул»: «[– Ну?] – Баранки гну! [– Где?] – У тебя на борде!» и т.п. Однако предложенный ими образец анализа очередной раз убеждает в том, что попытки толкования речевых рефлексов в рамках традиционной семантической грамматики обречены на неудачу. Сами исследователи также ощущают нестандартность данных единиц, указывая, что наиболее существенную часть плана содержания образует их внутренняя форма, в то время как актуальное значение элементарно и сводится к идее неуместности вопроса, заданного собеседником. В данном анализе понятие актуального значения смешивается с прагматической интенцией: сама невозможность истолкования актуального значения с помощью привычных для фразеологических единиц синонимических средств (*отдать концы* – умереть; *бить баклуши* – ничего не делать и т.п.) свидетельствует о некорректности использования семантических лекал при анализе речевых единиц данного типа.

Дело в том, что многочисленные ассонансные ФР не имеют актуального значения, по сути, они представляют собой «семантические пустоцветы», и не могут использоваться в номинативно-дескриптивном аспекте для обозначения предметов или явлений действительности. Как и остальные типы речевых рефлексов, они маркируют исключительно прагматическую интенцию – в данном случае нежелание собеседника по той или иной причине отвечать на поставленный ему вопрос.

Отличие ассонансных ФР от обычных фразеологических единиц состоит в том, что они не способны входить в состав какого-либо распространенного синтаксического высказывания, не могут составлять его диктум. Ассонансные ФР существуют лишь в условиях речевой интеракции и маркируют отношение слушающего к реплике партнера. В связи с вышеуказанными особенностями любая попытка описания ассонансных ФР в терминах традиционной семантики оказывается несостоятельной. Такой подход не только приводит к подмене понятия «иллюзии» или интенции не свойственным данным единицам «актуальным значением», но и не дает возможности их описания с точки зрения выполнения/нарушения ими речевых стратегий сотрудничества/конфронтации, вежливости/невежливости.

Отношение данного типа ФС к основным принципам лингвистической теории вежливости не представляется однозначным. Данный тип ответных реплик, безусловно, нельзя назвать этикетными с позиции принципов лингвистической вежливости П. Брауна и С. Левинсона или максим вежливости Дж. Лича. Как известно, П. Браун и С. Левинсон рассматривали вежливость как сохранение лица участников процесса коммуникации. Ученые предлагали различать «негативное лицо» и «позитивное лицо». Под «позитивным лицом» понимается стремление получать одобрение со стороны партнеров, под «негативным» – желание каждого взрослого человека быть независимым, обладать свободой действий и не допускать вмешательства со стороны других лиц. С языковой точки зрения вежливость рассматривалась П. Брауном и С. Левинсоном как своего рода маскировка речевых актов, которые способны нести угрозу для позитивного или негативного лица партнера [9].

Представляется вполне естественным, что подобная маскировка не обязательна в условиях неофициального общения, участники которого не всегда действуют в рамках стратегий вежливости. Использование в речи ассонансных ФР также представляет собой яркий пример намеренного нарушения принципов «позитивной» и «негативной» вежливости. Используя их коммуникант не выражает участия по отношению к запросам слушающего. Более того, он не только не проявляет требуемого стратегией позитивной вежливости «преувеличенного интереса к слушающему» [8], но и непосредственным образом демонстрирует свое нежелание отвечать на поставленный вопрос. В то же время следует признать, что являющийся одним из принципов позитивной вежливости призыв шутить частично соблюдается при использовании ассонансных ФР. Присущая данным репликам шутливая форма смягчает угрозу негативному лицу, в связи с чем их адресат вовсе не обязательно должен ощущать себя обиженным. Употребление ответных реплик подобного рода может восприниматься как свидетельство близких, доверительных отношений, и просто как привычный для речевой субкультуры рефлекс. Однако в случае использования в ответе реплик, содержащих бранные рифмованные лексемы, угроза негативному лицу может увеличиваться.

Из принципов «негативной вежливости» в использовании ассонансных ФС соблюдается лишь одно предписание: не говорить прямо. Примечательно, что в данном случае именно косвенный способ высказывания приводит к появлению угрозы «негативному лицу» спрашиваемого. Данное противоречие можно объяснить тем, что в англоязычной прагмалингвистике (Дж. Серль, Дж. Остин, П. Ф. Стросон, Г. П. Грайс и др.) сложилась традиция интерпретации косвенных речевых актов только на примере тех из них, которые используются с целью сохранения «негативного лица». Своего рода эталоном косвенного речевого акта стало высказывание: «Вы не могли бы передать мне соль?», которое определило основной вектор интерпретации косвенных речевых актов исключительно как прагматического маркера вежливой, этикетной речи. В то же время чрезвычайно распространенные в неофициальном дискурсе косвенные речевые акты до сих пор не попадали в фокус внимания специалистов в области прагматики разговорного английского языка.

Ассонансные ФР представляют собой также весьма любопытное явление в речевой субкультуре с когнитивной точки зрения. По способу своего возникновения они выступают характерным образцом «всенародной языковой игры», по характеру употребления в речи представляют собой пример реализации мнемонической природы языка. При этом языковая игра в ассонансных ФР имеет свои специфические особенности, полностью вписывающиеся в представление о языковой игре Х.Г. Гадамера, указывающего, что «речь идет не об игре с языком, но об игре самого языка, который с нами заигрывает» [2, с. 565]. Конкретное направление движения мысли в процессе создания ассонансного ФР подсказывается и определяется возможными созвучиями. Описывая когнитивный механизм возникновения единиц данного типа, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский указывают, что «выбор названия действия определяется исключительно тем, что оно рифмуется с первой репликой собеседника и тем самым утрированно имитирует речевое поведение» [1, с. 23].

Следование рифме – определяющее в процессе возникновения ассонансных ФР, тем не менее языковая игра в них всегда направлена на достижение нестандартного результата с целью усиления прагматического воздействия на адресата. Чем необычнее звучит ответный ассонансный ФР, тем более интересной представляется для языкового восприятия такая реакция. Отсюда такие ФР, как «[– Ну?] – Баранки гну!; [– Где?] – У тебя на бороде!; В Караганде!; [– Откуда?] – От верблюда!; [– Кто?] – Конь в пальто!; Дед Пихто!; [– Кто там?] – Гиппотам; [– Почему?] – По кочану!; Потому что кончается на "у"; [– А потом?] – Суп с котом!; [– Как дела?] – Как сажа бела» и т.п. По подсчетам А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского в семантическом поле идиом, обозначающих речевые акты с семантикой несогласия и возражения, представлено порядка пятидесяти выражений такого типа.

Практически во всех ответных репликах данного типа языковая изобретательность направлена в сторону выбора некоего невозможного, абсурдного или смешного варианта. Таким образом номинатор подчеркивает неуместность заданного вопроса или нежелание отвечать на него. В том же случае, если найти такую «оригинальную» лексику не представляется возможным, языковая игра вынуждена удовольствоваться теми рифмами, которые предоставляет язык, не особо беспокоясь об их значении. Например, вопрос «что?» в польском языке «[– Co?】 подразумевает существование только односложной рифмы, поскольку ударение в фонетической системе польского языка не может падать на последний слог. В связи с этим соответствующие польские ассонансные реплики звучат как «[– Co?】 – *Pstro!* (– *Пестро!*); [– Co?】 – *Szktlo!* (– *Стекло!*)»; либо предполагают перенесение ударения на последний слог, как в невежливой ответной реакции «[– Co?】 – *Jajco!* (– *Яйцо!*)». Примечательно, что в том случае, когда подобрать рифму к инициальной реплике невозможно, ответ представляет собой более развернутую фразу, в которой первое слово рифмуется с последним: «[– *Kiedy?*】 – *Nocą, jak się nogi poca, [– Gdzie?] – Na rogu Brackiej i Trębackiej*» и т.п.

Безусловно, вышеприведенные и другие примеры фразеорефлексов сложно интерпретировать как образцы высокого, тонкого юмора. Тем не менее эти изобретенные народом рифмованные высказывания демонстрируют радостное и веселое восприятие мира, а также креативное отношение к языку. Именно шутливая внутренняя форма ассонансных ФР смягчает свойственную им иллокутивную силу, уменьшая тем самым угрозу «негативному лицу».

Таким образом, отличительными чертами ассонансных ФР является не только их способность к выполнению исключительно прагматических функций в процессе речевого общения, но и лежащая в их основе особая когнитивная модель, основанная на использовании в процессе номинации приемов языковой игры. Характерное для функционирования речевой субкультуры следование языковой моде в случае ассонансных ФР ограничено существующими в языке потенциальными рифмами, что обуславливает их относительную устойчивость по отношению к изменяющемуся языковому вкусу эпохи.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–27.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
3. Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Языковые преобразования. М., 1998. С. 685–691.
4. Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.
5. Казачихина И.А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 26 (60). С. 115–119.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
7. Шкапенко Т.М. К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 7, № 1. С. 222–226.
8. Алферов А. Фразеорефлексы как операторы речевого взаимодействия. URL: http://www.academia.edu/4323811/PHRASEOLOGICAL_REFLEXES_AS_SHIFTERS_IN_SPEECH_INTERACTION_ (дата обращения: 26.04.2014).
9. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena. N. Y., 1978.

Об авторе

Татьяна Михайловна Шкапенко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

About the author

Dr Tatiana Shkapenko, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: tshkapenko@kantiana.ru